

Борис Цилевич: Нежелание принимать беженцев, ссылаясь на местных русских — откровенный расизм

rus.DELFI.lv | 26 июня 2015, 07:52

Александра Глухих

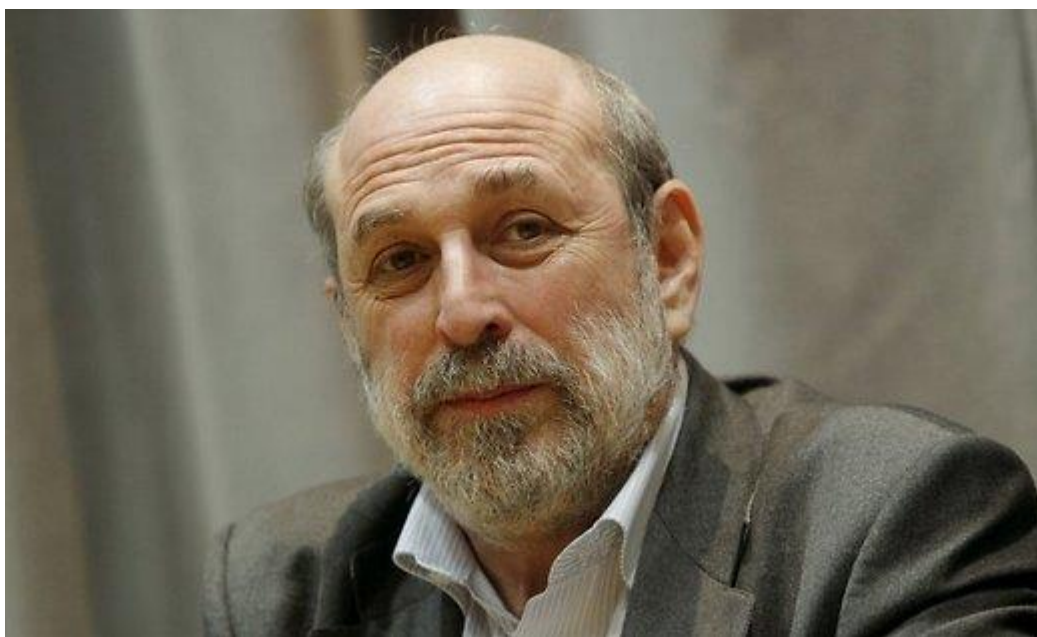

Foto: F64

Российско-украинский конфликт спровоцировал в Европе небывалый по размаху всплеск интереса к русскоязычным Латвии — их стали изучать, обсуждать на международных конференциях, пытаться защищать от "путинской пропаганды". Но изменит ли это в итоге что-нибудь в жизни самих русских? На эту тему Delfi поговорил с известным латвийским правозащитником, депутатом Сейма и членом Парламентской ассамблеи Совета Европы Борисом Цилевичем.

Что вы отвечаете сейчас вашим зарубежным коллегам на вопрос, есть ли в Латвии дискриминация русских?

Профессионалы в такой форме вопрос не задают, они знают, что дискриминация есть везде. Вопрос в том, насколько широко она распространена, в каких областях. Говорю, что латвийское законодательство не полностью соответствует европейским стандартам прав меньшинств и принципам равенства и недискриминации.

В чем это несоответствие проявляется?

Например, языковое законодательство. Латвия ратифицировала Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств с несколькими оговорками, в том числе к статье, которая предусматривает использование языков меньшинств в общении с органами власти. Даже в тех регионах, где меньшинство исторически составляет намного более половины жителей, закон запрещает использовать язык меньшинства в письменном общении с местными властями. На практике это чревато ситуацией, когда человек не может воспользоваться правами, которые закон ему формально гарантирует (например, сам не может написать заявление на латышском, а заплатить за перевод денег нет).

Другой пример, на который указывал и Консультативный комитет Рамочной конвенции, — чрезмерно завышенные профессиональные и должностные требования по владению государственным языком, в том числе и в частной сфере. Судебных процессов у нас по этому поводу особенно не было. Но на самом деле необоснованные языковые требования (для инженерных профессий, например) приводят к тому, что люди, для которых латышский язык не является родным, оказываются в заведомо неравном положении — а это и называется дискриминацией.

Еще одна проблемная сфера — гражданство. Даже если не вспоминать историю появления неграждан. В Латвии до сих пор рождаются новые апатриды — лица без гражданства. Это грубейшее нарушение целого ряда международных конвенций, в первую очередь, Конвенции ООН о правах ребенка. Принятые в 2013 году поправки к Закону о гражданстве сняли ряд бюрократических преград, если родители хотят, они могут сразу зарегистрировать ребенка в качестве гражданина. Но — закон все еще оставляет возможность не регистрировать ребенка как гражданина, оставив его в заведомо ущербном положении. У нас есть норма закона, которая предусматривает наказание для родителей за курение в присутствии своих детей. То есть курить в присутствии ребенка нельзя, а оставить его без гражданства можно...

Если международное сообщество так хорошо информировано о фактах дискриминации в Латвии, почему эта тема публично никак не поднимается?

Во-первых, все международные инструменты влияния эффективны, когда есть некий рычаг — например, государство стремится вступить в какую-то международную организацию. Тогда можно выдвигать конкретные критерии, требования, и пока они не будут выполнены, страна желаемого статуса не получит. Это называется "политическая кондициональность". Самый существенный прогресс в вопросах гражданства и прав меньшинств был достигнут, когда Латвия стремилась вступить в Совет Европы.

Выдвигать какие-то претензии и требования после вступления уже намного сложнее. И второе — не нужно идеализировать мировое сообщество. Дискриминация в том или ином виде есть практически во всех странах. Приходится выбирать приоритеты — больше внимания всегда уделяется тем государствам, где проблемы выражаются в насильственных конфликтах, кровопролитии.

А Крым? Это разве не повод задуматься о правовом статусе нацменьшинств в Европе?

Это палка о двух концах... С одной стороны, мы действительно сейчас наблюдаем новый всплеск интереса к русскоязычным Балтии. После многолетнего затишья опять "косяком пошли" иностранные журналисты, советники, политологи... Латвии постоянно, хоть и мягко, напоминают о необходимости соблюдать права местных русских. Но с другой стороны — украино-российский конфликт дает возможность использовать проблемы меньшинств в пропагандистских целях, обосновать ограничение их прав. Наши правящие теперь могут говорить: вот видите, в Крыму и Донбассе русские имели все права — гражданство, второй госязык... И что получилось? Сначала они голосуют за пророссийское руководство, потом вообще поддерживают отделение и аннексию. Если и нашим русским дать все права — они же отдадут нашу Латгалию России!...

Но когда-то же истерия должна успокоиться?

Очень важный фактор — позиция Россия, которая, к сожалению, сейчас не способствует диалогу и улучшению положения русских в Латвии. На русских в Европе смотрят с опаской. Но в то же время — серьезные европейские политики искренне завидуют латвийскому правительству. Очень многие хотели бы иметь такое "хорошее меньшинство"! Ведь Латвия остается одной из очень немногих европейских стран, где за все эти годы не было насилия на этнической почве — несмотря на то, что законодательство в области гражданства и языка одно из самых жестких в Европе!

Чем вы это объясняете?

У нас нет этнического конфликта как такового. На бытовом уровне отношения между латышами и русскими вполне нормальные. Много смешанных семей, люди разных национальностей живут в одних кварталах, работают на одних предприятиях. Люди могут иметь разные политические взгляды, но при этом вместе ездить на рыбалку и пить пиво по вечерам. Мне пришлось повидать немало европейских стран, где такого не увидишь...

У нас проблемы возникают на политическом уровне. Парадигма "государство должно принадлежать латышам" исторически объяснима, это еще не трагедия. Трагедия в том, что политическая элита не пытается заменить этническую солидарность на гражданскую. Наоборот, политики у власти сознательно раздувают недоверие и страх перед русскими и за счет этого набирают голоса на выборах.

Но, может, и самим русским нужно приложить какие-то усилия, чтобы этот исторический страх сошел на нет? Скажем, не приходить 9 мая к Памятнику с флагом ДНР?

Тут вопрос в другом. Я всегда прихожу 9 мая к Памятнику — но не с флагом ДНР. И не потому что я не хочу раздражать латышей, а потому, что просто не хочу ходить с флагом ДНР. В условиях информационной войны многое не зависит от нас.

В то же время русские уже очень много сделали. Я уже говорил, что свои интересы отстаивают исключительно мирными методами, не так уж часто такое бывает. Да посмотрите, за кого русские голосуют — партии, ориентированные на конфронтацию, русские националисты не получают сколько-нибудь значительной поддержки. Это ясный сигнал — латвийское русскоязычное меньшинство ориентировано на диалог и сотрудничество.

Почему же этот сигнал не услышан?

Боюсь, именно потому, что не соответствует доминирующей концепции "латышской Латвии". Сотрудничество подразумевает не только политическое представительство, но и реальное участие в принятии решений, управлении государством — на всех уровнях. Чтобы танцевать танго, нужны двое. У латвийских русских есть лидеры, способные эффективно работать не только на уровне самоуправлений, но и правительства. Но ведущим правым партиям проще формировать коалицию на этнической основе. И эта идея постоянно пропагандируется и легитимируется.

Например, недавние президентские выборы. Эгилс Левитс, которого позиционируют как юридическое светило, гуру, эксперта по европейским ценностям предлагает... закрыть русские школы. В послевоенной истории мне известны два примера полной ликвидации школ национальных меньшинств. Саддам Хусейн закрыл курдские школы в Ираке, а Слободан Милошевич — албанские школы в Косово. В обоих случаях закончилось это не очень хорошо... Левитс, по сути, выдает политику Хусейна и Милошевича за современные европейские ценности!

Другой пример. Правительство возражает против приема беженцев, ссылаясь на то, что у нас "и так слишком слишком много иноязычных". То есть посылает откровенный сигнал: мы не считаем граждан другого этнического происхождения своими!

Но искусственные теории не могут жить вечно. Когда в Латвию приедет первая группа сирийских и ливийских беженцев, а когда-то она точно приедет, и наше общество из двухобщинного в один момент превратится в многоэтническое, цепляться за идею, что "Латвия только для латышей" будет немного проблематично.

Тут тоже не все так просто. Во-первых, беженцы у нас давно есть. С 1998 года статус беженца в Латвии получили 64 человека, и еще около 120 — т.н. альтернативный статус. Всем, кто сейчас с пеной у рта протестует против идеи

квот, я задаю вопрос: а знаете ли вы, где сейчас эти латвийских беженцы? Сколько из них остались в Латвии? В ЕС нет границ. Человек, получивший статус, должен где-то жить и что-то есть. Беженец получает 256 евро в месяц — но только в течение года (лицо, получившее альтернативный статус — 9 месяцев). А потом — все, никакой поддержки. Человек оказался в абсолютно чужой стране, языка не знает (ни латышского, ни русского), жилья нет, друзей нет, работы нет... Скорее всего, он поедет в более богатые страны, туда, где уже живут общины соотечественников, которые могут помочь, поддержать.

Так что это миф, что нам отдадут беженцев, и мы их будем всю жизнь кормить. Если найдут здесь достойную работу, то останутся, если нет — уедут дальше. Конечно, можно сознательно поддерживать уровень бедности, чтоб ни у кого не возникло желания к нам сюда приезжать. Но тогда и наши люди будут продолжать уезжать! И все меньше будет тех, кто платит налоги, и относительно больше — тех, кому надо платить пенсии и пособия... Это ведь уже происходит, и именно в этом реальная опасность для государства.

То есть история с беженцами — это просто еще одна, очень неловкая попытка латвийской политической элиты сохранить для своего электората миф, что Латвию можно превратить в закрытый заповедник?

Мне очень трудно представить, чтобы другие европейские государства ссылались, например, на процент своих мусульман как причину, почему они не могут принимать беженцев. На самом деле это — откровенный расизм!

Вы верите, что до завершения вашей политической деятельности вы увидите практическое решение тех трех проблем дискриминации русскоязычных, которые вы обозначили в начале нашего разговора?

Как сказал то ли Вяземский, то ли Салтыков-Щедрин, на Руси дурные законы компенсируются ненадлежащим их исполнением... Например, проблема использования языка в самоуправлениях на практике, как правило, как-то решается: работники муниципальных служб помогают перевести заявления на латышский или записывают со слов жалобщика. То же происходит и в такой крайне чувствительной сфере, как здравоохранение. По закону, медицинский персонал не обязан владеть русским языком, но для абсолютного большинства врачей клятва Гиппократа оказывается важнее языковых норм.

Как законодатель, я понимаю, что это плохо. Это значит, что законы плохие, если их приходится на практике нарушать, чтобы обеспечить базовые потребности и права человека. Удастся ли их изменить в обозримом будущем? По крайней мере, буду делать все, что от меня зависит, чтобы этого добиться.

<http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/boris-cilevich-nezhelanie-prinimat-bezhencev-ssylayas-na-mestnyh-russkih-otkrovennyj-rasizm.d?id=46121703#ixzz3eA3SwwbP>